

16+

Александр Кулик

На виниле

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кулик А.

На виниле / А. Кулик — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-03144-9

Роман «На Виниле» — своего рода смешение жанров фантастических историй и детектива. Образованного, интеллигентного читателя несомненно привлечёт и сюжет книги, и его подача, наполненная ссылками к ставшим уже классическим музыкальным произведениям двадцатого века, века джаза и рок-н-ролла. Удивительные переплетения разных историй вымышленных персонажей на время перенесут читателя в недавнее прошлое, в 40–60-е годы XX века, невольно заставят нас снова прикоснуться к полузабытым дискам той эпохи и почувствовать аромат, вкус и мелодии тех лет, когда были молоды наши дедушки и бабушки, а возможно, и наш благодарный читатель.

ISBN 978-5-532-03144-9

© Кулик А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Трудности перевода и рождение «Мира Винила»	5
Глава 2	10
Заселение	10
Глава 3	15
Союзники	15
Глава 4	19
Мысли вслух	19
Глава 5	24
Солнечные зайчики и пляжные мальчики	24
Глава 6	28
Нехорошие предчувствия	28
Глава 7	33
Свет жизни	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Кулик

На виниле

Глава 1

Трудности перевода и рождение «Мира Винила»

25 апреля 2004 года

Сегодня я опять ходил в муниципалитет, снова подавал документы для аренды того маленького помещения, в котором до недавнего времени хозяйничали советские военные, пока в 1994 году не прекратила свое существование Западная группа войск, и которое вот уже 10 лет стоит пустое и брошенное.

Погода сегодня просто прекрасная. Берлин в конце апреля — замечательное место: достаточно тепло, но не жарко, повсюду цветы и их ароматы, витающие вокруг тебя — на это ушли тысячи тюльпанов и магнолий. Нежный цвет вишни и черемухи раскрашивают унылые серые постройки восточной части города, в которой я обитаю вот уже без малого пять лет.

Восточный Берлин — это такая «Европа не для всех», то есть не для всех туристов, я имею в виду, с их представлениями о старой Европе как о загадочной местности с замками, крепостями, узкими старинными улочками и прочей показной сказочностью. Мне же по душе именно Восточный Берлин — он не для открыток, по большей части, а для жизни. Для какой жизни — для серой и унылой, как бетон вокруг, или для яркой и насыщенной, как граффити на этом бетоне — каждый решает для себя сам.

Шагая по знакомым улицам мимо любимых недорогих турецких забегаловок с дюнером и картошкой фри, по дороге в муниципалитет, я в тысячный раз прохожу мимо приглянувшегося мне домика.

Маленькое одноэтажное здание, состоящее всего из трёх комнат, небольшого холла и уборной долгое время служило каким-то пунктом, штабом, отделом или еще чем-то подобным. Интересоваться истинными задачами, которые выполняли служащие здесь офицеры, никто бы и не подумал — зачем привлекать к себе лишнее внимание. Да и что это будут за военные, если станут всем подряд рассказывать, для чего они тут сидят и что именно делают. А раз так, значит и начинать это никому не нужное расследование не стоит.

Для каких целей использовалось это помещение до войны — даже предположить не могу: на жилой дом не похоже, на магазин — тоже. Может быть, в нем располагалась почта? А может, какая-нибудь мелкая прачечная или дом быта — этого мне никто из соседей сказать не смог — все они помнили этот домик уже как «военный штаб». Да и никто бы и не стал запоминать назначение столь непримечательного объекта — стоит и стоит на отшибе, никому до него дела нет.

Главное тут в другом: здание теперь пустует, а очереди из желающих занять его крупных фирм нет. Да и откуда бы ей взяться — район не самый оживленный, станции S-Bahn и U-Bahn в стороне, ремонт надо делать, да и площадь для серьезного магазина маленькая, учитывая планировку и конструкцию дома, не позволяющую сносить внутренние перегородки.

После ухода военных здание это почему-то не перешло в частные руки, а осталось на балансе города. Видимо, уже на этапе торгов всем участникам было ясно, что вкладывать в него силы и средства не стоит. Практичные немцы предпочтут подождать несколько лет, пока власти сами не поймут, что содержать в нынешнем виде этот дом смысла нет и не снесут его, очистив

участок для более востребованных сейчас высотных зданий: бизнес-центров, многоуровневых парковок или еще какой-нибудь требующей места вверх, а не вширь, диковинки.

Но, пока до сноса или капитальной перестройки здания дело не дошло и даже не начало двигаться в этом направлении, – город как будто просто забыл, что в одном из его тихих уголков притаился этот дом, домик, домишка.

А я не забыл. И вот уже в третий раз прихожу в отдел городского имущества моего района с просьбой сдать это всеми забытое здание мне в аренду по льготной цене. Точнее, конечно, не мне, а GmbH «Welt der Vinyl-Schallplatten» (компания «Мир Виниловых Пластинок»). И в третий раз мне говорят, что пока не утвержден генплан развития инфраструктуры района, они не могут сдавать это помещение в аренду – нужно подождать еще немного. А уж когда утвердят план и станет ясно, останется ли этот дом на карте города в том виде, как сейчас, или же переродится во что-то иное, тогда и о долгосрочной аренде можно будет поговорить.

С этими немцами всегда так: нет бумажки – нет разговора. Сплошные «трудности перевода», если так можно выразиться относительно разницы во взглядах и причинно-следственных связях, ведущих к тем или иным действиям, между нами, русскими, живущими в Германии, и коренными немцами. Ну, предположим, нет у тебя плана застройки района на 20 лет вперед – ну и не нужен он: помещение-то есть, значит и в аренду сдать его можно. А там посмотрим, что будет с ним дальше – классические «АВОСЬ» и «НЕБОСЬ», всегда готовые прийти на помощь мне в трудную минуту принятия важного решения, и которые никогда не будут понятны законопослушному и прижимистому жителю Берлина.

Но, с другой стороны, там, где не понимают «авось» и «небось», понимают значение и важность слов «орднунг унд арбайтен» (порядок и работа). В итоге, после написания трех заявлений, заполнения шести формуляров и деклараций, ситуация моя, как оказалось, перестала быть безнадежной. Если свести все бумажки в одну – выходило так, что город любезно соглашается предоставить мне во временное пользование означенное здание по льготной ставке. Но с условием, что при изменении генплана города, плана застройки района или плана озеленения улиц и любых других официальных документов, помещение будет освобождено за 30 дней с момента письменного уведомления без предъявления каких-либо материальных, имущественных или иных претензий к городу.

Понятно, что такой вариант меня бы устроил изначально, у нас как-то не принято судиться с властями, если арендуемое тобой здание снесут. Но тут, в центре Европы, властям понадобилась не одна неделя, чтобы в виде исключения пойти на такой шаг и разработать целый набор документов, снимающих с них всю ответственность в случае моего скорого прощания с полюбившимся зданием.

В любом случае, подписанные мной бумаги не означали немедленного «заселения» – решение должно было быть согласовано, обсуждено, проведено и прочее, прочее, прочее. Мне оставалось только ждать, чем я и занялся сразу после подачи бумаг.

Первым делом такое событие стоило отметить. Я дошел до ближайшего телефона-автомата, вставил карточку и набрал номер своего партнера Эда. Он поднял трубку почти мгновенно, видимо, ждал звонка.

– Ну что, Эд, дело сдвинулось с мертвой точки, предлагаю отметить, – на одном дыхании выпалил я, чтобы словоохотливый Эд не начал задавать кучу вопросов, отвечать на которые по телефону мне совершенно не хотелось.

– Ты их дожал? Разрешение уже подписали? А договор аренды? Когда можно заезжать? – он все равно не смог удержаться от потока вопросов, разрывающих его изнутри, и начал тараторить без умолку.

– Приезжай, все расскажу не спеша. Через полчаса жду у Вилли, – опять скороговоркой выдал я и повесил трубку.

На трамвае я доехал до своего любимого, совершенно ностальгического бара «Willy Bresch», что расположился на пересечении Danziger Straße с Greifswalder Straße. Такого заведения вы больше не встретите нигде – не по интерьеру, конечно, внешне это вполне себе классически и милый паб с деревянными стульями и столами, накрытыми клетчатыми скатертями, стеклянными абажурами, свисающими с потолка, цветочными горшками на подоконниках и белыми кружевными занавесками на окнах. Но атмосфера... Барменша Марта, знающая почти всех посетителей уже много лет, периодически с удовольствием выпивающая с ними рюмочку шнапса, густой табачный дым, парочка игровых автоматов еще в деревянных корпусах, черно-белые фотографии старого Берлина, на которых по Danziger Straße вместо трамваев едут конки, а главное – никакой еды, только пиво и разговоры.

К этому бару отношение у меня особое – именно в нем я окончательно утвердился в мысли, что мне необходимо открыть «Мир Винила». Не точку на торговой улице, не лоток на блошином рынке, не интернет-магазин с его бездушной «корзиной» и совершенно дурацкими баннерами-акциями, а именно «Мир Винила». Такое место, куда будут не забегать на минуту, чтобы кинуть в сумку диск очередного поп-идолища и умчаться дальше, а полноценный дом для тех, кто так же, как я, любит Музыку с большой буквы. Для тех, кто ценит каждую ноту в исполнении Миллера или Гетца, готов подпевать без остановки всему рождественскому альбому Бинга Кросби или Элвиса, кто не представляет лето без The Beach Boys и кто готов ради хорошей музыки, хотя бы на время, отказаться от бешеного ритма современного большого города.

На момент принятия этого во всех смыслах судьбоносного для меня решения, я уже во всю погряз в бизнесе по продаже «винила». Чем я занимался до этого, не представляет интереса уже ни для меня, ни тем более для вас – обычные серые занятия мелкими делами в мелких офисах мелких контор.

Когда я понял, что тратить почти всю свою зарплату на покупку пластинок, но не иметь даже крошечного кусочка свободного времени, чтобы их послушать – величайшая глупость моей жизни, я резко и без сожалений оборвал свой «общественно полезный» труд на чужого дядю. В тот же день я начал строить, причем достаточно долгое время только в своей голове, план создания Великой Виниловой Империи Имени Меня.

Начал я с того, что, стиснув зубы и забыв о чувствах, отобрал пластинки, которые уже сейчас можно выставлять на продажу. Получилось немало – около восьмисот пластинок 50-х и 60-х годов, почти все в состоянии Mint или EX+. Самое главное, тут не было проходной музыки, ни одну из этих пластинок нельзя было назвать мусором, бесполезно занимающим место на полке. Только качественный джаз, свинг, рок и рок-н-ролл, вокалисты-крунеры 50-х и все в таком духе. Если и попадались поп-исполнители до 70-х годов, то только такие, за которых не было стыдно. В те времена, представьте себе, такие попсовики еще встречались.

Понятное дело, что открывать магазин у себя на родине в то время для меня не имело никакого смысла: кризис 1998 года, бешеные арендные ставки, постоянные проверки, – сразу отбивали охоту становиться Предпринимателем. Да и в то время людям было нужно что угодно, только не «винил» – видики, компьютеры, турецкие шмотки, польские парфюмерные подделки – это да, но не старый «винил».

Тут-то я и вспомнил о предложении своего друга и однокурсника Эда – он уже несколько лет звал меня в гости, а то и «напожить» в Германию, куда выехал с родителями в 1992-м тем самым популярным путем, которым постсоветскую Россию покинули сотни тысяч его соратников. Конечно, Эдом он стал уже тут, а «там», в Москве, звался себе Эдуард Кантарер или просто Эдик.

Так или иначе, правдами и неправдами, но в апреле 1999-го года я прибыл в Берлин, увидел ту самую весну, о которой говорил в начале, и не смог уехать.

Почему я решился уехать из России? «А я в школе немецкий учил, не пропадать же знаниям» – так я обычно отвечаю тем умникам, которые, не зная ни черта о моей ситуации, лезут с дурацкими вопросами и давят на чувство патриотизма, пытаясь убедить меня в том, что именно из-за моего отъезда в Великой и Могучей до сих пор все так не велико и не могуче. В общем, вопрос наболевший, поэтому не будем про это.

Уезжая из России в 99-м, я продал почти все пластинки – везти с собой такой хрупких груз было дорого, да и выручить за старый «винил» у нас тогда можно было больше, чем в Европе, – тут же никогда не было дефицита «фирмы», а деньги на первое время мне были ой как нужны.

Понятное дело, что сразу к моему приезду Европа почему-то передумала падать к моим ногам и осыпать меня дарами. Пришлось работать – и грузчиком немного успел побыть и экскурсоводом для соотечественников (приходилось врать, что живу тут полжизни, – иначе отказывались платить, хотя я и выучил все путеводители наизусть).

Но все это время меня не покидала мысль о «Мире Винила», который я должен построить. С появлением ebay.de и покупкой Ибэем PayPal я начал очень активно продавать немецкие копеечные пластинки клиентам из Восточной Европы и из России, сначала больше оптовикам, позже – продвинутым частникам.

С этого момента я смог забыть о временной работе, подработках, и прочих неприятных вещах – я целиком ушел в торговлю пластинками. Вышел на неплохих ребят из городка Хаддерсфилд в графстве Уэст-Йоркшир в Англии, которые согласились откладывать и продавать мне напрямую два раза в месяц пластинки интересующего меня периода и качества. С началом работы с ними я все больше и больше увлекся покупкой именно семидюймовых пластинок – синглов и EP – в Англии их было выпущено просто невообразимое количество.

Вообще говоря, самым для меня приятным форматом является EP – сама пластинка маленькая, приятно держать в руке, но песен на ней четыре – уже можно неплохо послушать любимого музыканта, не то что на сингле с его скромными двумя композициями на обеих сторонах. Есть еще довольно редкие диски размером семь дюймов, но воспроизводимые на 33-х оборотах – на них помещаются шесть треков – оптимальный вариант, но, к сожалению, не очень популярный, да и выпускается не так давно.

Не чурался я и пробежек по местным блошиным рынкам, где всегда можно купить много разного по качеству и содержанию «винила», но это, скорее, уже для себя (или под конкретного постоянного клиента) – для массовой продажи таким путем наполнять ассортимент хорошими пластинками довольно сложно.

Когда я более или менее освоился и обжился в Берлине, заимел постоянных покупателей среди местных любителей «винила» и заграничных клиентов, встал вопрос о необходимости открыть самый обычный магазин – чтоб пластинки на витрине и в коробках, чтоб постоянно играла музыка и посетители под музыку неторопливо рылись в этих коробках.

Скажу честно: мне этим заниматься не хотелось, и я предложил Эду составить мне компанию в той части моего бизнеса, которая касалась розничной торговли в офлайне.

Если говорить об Эде, то в музыкальном плане мы совпадали еще с институтских времен, с этим проблем не должно было быть. Представьте себе двух управляющих музыкальным магазином, один из которых хочет слушать и продавать только hard-rock, а второй не признает никого, кроме Боба Марли.

В денежных вопросах я также ему полностью доверял, причем так, что даже оформлением всех моих первых крупных сделок занимался он, причем от своего имени, получая деньги на свой счет, а уже потом просто отдавая их мне. Исходя из этих нехитрых прикидок, я и предложил ему создать совместное «предприятие торговли», так сказать. На немецком мы стали называться GmbH «Welt der Vinyl-Schallplatten» (GmbH – Gesellschaft mit beschränkter

Haftung – общество с ограниченной ответственностью). На русском же это звучит примерно как ООО «Мир виниловых пластинок».

Первый магазин мы открывали долго и тяжело – искали место, сами сидели несколько часов около своей будущей двери и считали, сколько наших потенциальных клиентов проходит мимо нее в час, договаривались о вывеске (крутящаяся виниловая пластинка диаметром около метра) с хозяевами магазина, покупали мебель, оформляли кассу и прочие бюрократические моменты. В итоге, под самое католическое рождество 2002-го года мы открыли свой первый магазин пластинок в Берлине.

Всю рождественскую неделю в нем играли только супер-хиты, вроде «Silent Night», «White Christmas», «Blue Christmas» и «Jingle Bells» в исполнении Нэта Кинга Коула, Пеппи Комо, Фрэнка Синатры, Бинга Кросби, Макса Байгрейвса и, конечно же, Элвиса.

Мы провели всю неделю в магазине, общаясь с каждым покупателем, рассказывая и предлагая, и к началу 2003-го мы продали абсолютно все наши пластинки, на конвертах которых хоть как-то упоминался Новый год или Рождество.

За следующий год мы с Эдом открыли еще два магазина в разных концах города и решили, что пока этого хватит. Во-первых, стало непросто держать в них достойный ассортимент из классных пластинок, а закупить все подряд мы по-прежнему не собирались, во-вторых, приходилось слишком часто бывать в самих магазинах или в офисе, чтобы утрясать мелкие проблемы с продавцами, клиентами, властями и прочими жизненными неприятностями.

И вот как-то раз, сидя за кружечкой темного «У Вилли», мы с Эдом разговорились о некоем гипотетическом доме, в котором можно было бы слушать пластинки, сколько душе угодно, разговаривать с интересными людьми, пить крепкий кофе, курить, не взирая на все эти антитабачные законы, ну и, если вдруг получится, немного денег заработать, чего уж там.

Думаю, эта идея еще много лет могла бы быть только идеей в наших головах, если бы Эд не вспомнил про этот заброшенный домик военных, пустующий недалеко от наших жилищ десятый год.

– Он именно такой, как ты сейчас описывал, – говорил, распалаясь, Эд – Мы сможем там все устроить по высшему разряду, с вертушкой, большими колонками, кожаными креслами и до одурения удобным диваном.

Следующим же утром началась история «Дома Винила»... Так я напишу в своих мемуарах. Обязательно напишу. На самом же деле следующим же утром я впервые пошел в муниципалитет, чтобы выяснить хоть что-то о возможности аренды «нашего» домика.

Глава 2

Заселение

Сидя за своим любимым столиком в баре, я ждал Эда и прокручивал в голове всё, что произошло с нами с момента моего приезда в Германию и до сегодня. Выходило, что за пять лет все очень неплохо сложилось – три магазина, отлаженная интернет-торговля, а вот теперь и «Дом Винила» вполне может обрести реальные очертания.

Эд опоздал всего на 20 минут, к сожалению, его отношения с пунктуальностью всегда были сложными. Наверняка галстук гладил или бутербродов решил перехватить перед выходом, да дома не оказалось утюга/масла/хлеба/ножа или еще чего-нибудь в таком духе.

– Что, галстук решил погладить? – спросил я с ухмылкой, видя, что никакого галстука на нем нет, а рубашка есть.

– Ага, только утюг так долго грелся, что мне надоело ждать, решил, что и так сойдет – улыбаясь, ответил Эд и со всего ходу плюхнулся на стул напротив меня, да так резко, что я еле успел подхватить свой стакан, уже готовый перевернуться в следующее мгновение.

– Что будем пить? Может быть, такое событие достойно быть отмечено чем-нибудь посолднее пива?

– Думаю, я сначала выпью пива, пока ты будешь рассказывать, чтобы перевести дух, а потом возьмем «что-нибудь посолднее», – и он сделал еле уловимое движение в сторону барменши, которая понимала нас уже без слов, а потом кивнул мне – мол, давай, рассказывай.

И я начал свой долгий и скучный, по моему мнению, рассказ о беседе в муниципалитете, обо всех ограничениях и предосторожностях, которые прописаны в проекте договора, о том, что если все пойдет по плану, что уже через неделю мы сможем заезжать и хозяйничать в здании на полных правах.

Рассказал, что из-за всё тех же ограничений стоимость аренды снижена от и без того небольшой льготной ставки чуть ли не на 30 процентов, чем по-настоящему обрадовал Эда – все таки вопросы экономии и денег в принципе его заботили гораздо сильнее, чем вопросы творческого характера. Да оно и к лучшему, должен же хоть кто-то из нас заботиться о доходности, а не о том, оригинальный ли постер 1955-го года с Динем Мартином и Джерри Льюисом мы повесили на стену в нашем втором магазине, или это просто качественная современная подделка.

Из моего рассказа Эд сделал один, но очень верный вывод: «Если все будет так, как ты говоришь, то мы сможем сделать лучший в Берлине магазин пластинок, потратив на него денег меньше, чем на любой из наших нынешних».

– А еще мы сможем наконец-то съехать из конторы в этом ужасном офисном центре и переехать со всеми бумагами, столами, компьютерами прямо в наш «Дом Винила», все равно нам не понадобятся под торговый зал все комнаты – продавать мы там будем только ограниченный ассортимент, “best of the best”, так сказать.

Покончив с официально частью, мы с Эдом начали отмечать начало чего-то нового и интересного. Тогда я еще и подумать не мог, насколько нового и насколько интересного. Такое просто не могло прийти мне в голову. Но это было тогда...

Начали мы с виски, пили двенадцатилетний неразбавленный Чивас со льдом не спеша, рассуждая о том, кто какой диван хочет приобрести в новый магазин. Я хотел купить старый, желателно довоенный, кожаный диван с вставками из красного дерева, Эд же, как обычно,

проявлял больше здравого смысла и предлагал завтра же съездить в любой из трех всем известных шведских мебельных магазинов.

Потом захотелось более легкопьющихся напитков, и мы перешли на виски с колой, уже не выдержанный, вкус которого было не жалко потерять в стакане газировки. К этому моменту мы дошли до обсуждения аппаратуры, которая должна стоять в зале и демонстрировать покупателям все прелести звучания старого «винила» и представленных у нас исполнителей.

В этом вопросе мы оказались по разные стороны баррикад – Эд был за новенький Hi-Fi набор техники из ближайшего магазина электроники, я же стоял на том, что нам просто необходим ламповый усилитель, ностальгическая вертушка Technics SL 1200 первого поколения и большие колонки JBL L300 – мы же не современный музыкальный магазин открываем, а «Дом Винила» с пластинками пятидесятилетней давности.

Беседуя в таком ключе, мы просидели до самого закрытия, так и не придя к согласию по всем вопросам, да такого и быть не может, чтобы два человека были согласны во всех мелочах – это была бы уже какая-то патология.

Приехав домой на такси, я четко осознал, что нахожусь в изрядном подпитии и мне срочно нужен отдых. Как был, не раздеваясь, я повалился на диван и отрубился, судя по всему, мгновенно, так как на утро не мог вспомнить, как же мне удалось уснуть в такой неудобной позе.

Самое приятное в необходимости отключаться ежедневно на 7–8 часов, во всяком случае для меня, – это сны. Сны дают нам то, что мы не можем получить в реальности: возможность летать, петь бархатным баритоном, любить киноактрис и вести непринужденные разговоры с президентами.

Вот и в этот раз сон мне сильно помог – мне приснился «Мир Винила» в полностью готовом к открытию виде. Я увидел все: неоновую вывеску в стиле заведений с 52-й улицы в Нью-Йорке 1940-х, мебель, цвет и оформление стен, светильники, прилавки и столы, аппаратуру и ее расположение, наш офис и небольшую кухню. В общем, теперь для меня всё было решено, оставалось только уговорить Эда сделать все именно так и найти в реальности максимально похожие предметы интерьера и прочие детали из моего сна.

Весь день после пробуждения я провел дома, планируя и прикидывая будущий интерьер, насколько можно было это сделать, имея на руках только план здания с размерами, но не видя «живую» всех комнат. Я взял для наглядности 4 листа формата А3 и подписал каждый из них: торговый зал, кухня, офис, уборная.

Дальше я перенес на каждый лист в несколько раз увеличенный план соответствующей комнаты, сохраняя пропорции оригинального чертежа, и указал все важные размеры – длину стен, размеры окон, глубину и ширину выступов, если такие встречались на плане, и прочие мелочи. В итоге у меня получились четыре достаточно крупных плана, на которые уже можно было с приличной точностью наносить очертания мебели и аппаратуры.

После этого я позвонил в муниципалитет, представился и попросил соединить меня с отделом аренды муниципальной собственности. Милая девушка-секретарь (я уже трижды беседовал с ней во время предыдущих своих визитов) поздоровалась и практически мгновенно переключила на нужный мне номер.

– Ja, Бауэр слушает, – услышал я в трубке знакомый деловой голос моего «куратора».

– Здравствуйте, это Алекс, по поводу аренды помещения на... – я даже не успел назвать адрес и прочие подробности, как на том конце провода заговорили снова.

– Здравствуйте, Алекс, а я как-раз собирался звонить вам сегодня. Ваш вопрос решился положительно, можете приезжать со всеми уставными документами и директором для заключения договора, – меня явно узнали сразу, видимо, в муниципалитете моего района было не так много зданий, которые кто-то хотел взять в аренду.

Должность «зицпредседателя Фунта» у нас занимал Эд, так как на меня пока оформить официальную фирму было просто нельзя. Я позвонил ему, как только повесил трубку после разговора с муниципалитетом, и попросил срочно приехать ко мне, чтобы вместе выдвинуться навстречу приключениям.

На этот раз Эд приехал не просто без опоздания, а даже раньше, чем я успел одеться и собрать все необходимые бумаги. Без каких-либо расспросов и суеты, что было для него крайне необычно, Эд дожидался меня на кухне, попивая свой любимый напиток – воду из-под крана: привычки босоногого детства иногда не покидают нас всю жизнь.

В итоге в кабинете гера Бауэра мы оказались уже через 40 минут после моего с ним разговора. Действительно, все необходимые разрешения уже были подписаны, договор составлен и Эду оставалось только поставить на каждой странице подпись и несколько раз шлепнуть печатью. Денег, конечно же, с нас никаких не взяли, все платежи должны будут проходить по безналу, и мы обязались в течение трех банковских дней внести первый платеж по договору.

Единственная неожиданность, которая подстерегала нас с Эдом: мы не могли пользоваться подвалом здания, – поскольку он был опечатан уже немецкими военными в 1994 году и у муниципалитета не было даже ключа от него, не говоря уже о праве сдавать в аренду. Нас эта новость никак не расстроила – до этого разговора мы даже не подозревали, что в доме есть подвал и что он может нам зачем-то понадобиться. Поэтому мы решили, что ничего не теряем, и так и сказали Бауэру, чем явно его обрадовали.

Выйдя на улицу с кипой бумаг, слегка придурковатыми улыбками на лицах и, что самое важное, с парой комплектов ключей от нашего нового магазина, мы первым делом решили пойти проведать наши новые владения, а после уже отметить окончание наших мытарств.

Придя на место, я был приятно удивлен: газон вокруг здания, до этого больше похожий на заросшую поляну в лесу, был подстрижен, мусора нигде не было, да и вообще создавалось впечатление, что за участком следили. Конечно, то была лишь иллюзия – просто муниципалитет, видимо, опираясь на какое-нибудь очередное правило или распоряжение направил сюда группу уборщиков с целью привести всё в приличный вид перед передачей новым арендаторам. Еще один незначительный, но очень красноречивый штрих к общей картине под названием «Организация работы чиновников в Федеративной Республике».

Я достал из кармана ключ совершенно антикварного вида и вставил его в замочную скважину не менее антикварной двери, затем легко провернул его и замок с приятным щелчком открылся. Мы зашли в самую просторную из трех комнат, которой предстояло превратиться в торговый зал. Почему-то единственное, о чем я сейчас думал – так это о том, смогут ли современные мастера сделать такой ключ, если я свой потеряю. Откуда в моей голове берутся такие «глобальные» мысли, я никогда не мог понять, но они появлялись в ней регулярно, причем всегда в ответственные моменты, когда можно было бы подумать и о чем-то более серьезном.

А подумать было о чем – наши с Эдом взгляды буквально обшаривали все уголки достаточно большой комнаты и мы понимали, что ремонт, вероятно, не будет носить чисто косметический характер.

Чтобы подбодрить Эда и придать нашим дальнейшим действиям четкий вектор движения, я достал свои чертежи-наброски и разложил их прямо на пыльном деревянном полу. Как ни странно, мой напарник совершенно спокойно отнесся ко всему, что увидел, только сказал, что купит всю технику для офиса сам.

– Иначе ты притащишь сюда компьютер на перфокартах – купишь где-нибудь на рынке и притащишь, это же винтаж, – сказал он, и на этом наши обсуждения ремонта закончились.

Зато начались реальные дела и проблемы, связанные с ремонтом. Первые несколько дней мы с Эдом сами закупали все нужные стройматериалы в ближайшем Баумаксе и на его минивене перевозили в магазин. Мы нашли единственного толкового мастера по классическим неоновым вывескам и заказали у него яркую сине-красную рекламу с нашим названием размерами

с небольшой парход. Потом договорились со знакомой бригадой ремонтников, и они активно влились в работу. Мы не собирались делать новомодный ремонт в стиле модерн или хайтек, мы хотели все очень серьезно обновить, но сохранить атмосферу былых времен, подчеркнуть балки на потолке и в проемах дверей, деревянные подоконники и полы и прочие оставшиеся в приличном состоянии оригинальные элементы.

С торговым залом, точнее с той его частью, где будут продавать пластинки, проблем с обстановкой не возникло вообще – тут, как ни крути, а удобнее стеллажей для альбомов с винилом, прилавков и витрин ничего пока не придумали.

А вот с зоной для прослушивания и отдыха пришлось повозиться немного дольше. Но в итоге и тут все решилось – дорого, но решилось. Я все-таки нашел диван и кресла, которые мне привиделись, и смог разместить их в одном из дальних углов большой комнаты.

Аппаратуру мы купили у одного из постоянных клиентов – он зарабатывал на жизнь тем, что реставрировал, чинил, собирал по частям и возрождал из небытия усилители, колонки и проигрыватели пластинок. Его квартира была похожа на музей аудиоаппаратуры: везде стояли колонки разных размеров – от миниатюрных полочных систем до огромных концертных колонок высотой чуть ли не до потолка. В итоге мы потратили на весь «звук» заметно меньше денег, чем предполагали, а получили проверенные, обслуженные, где надо поднастроенные и доведенные до совершенства аппараты, за которые точно будет не стыдно перед искусственными клиентами.

В дела ремонта и интерьера кухни и офиса я вообще особенно не вникал, рассказал только Эду, что бы мне там хотелось видеть, когда показывал чертежи, а дальше он уже все сделал сам. В итоге у меня появилось полноценное рабочее место с компьютером, принтером, сканером, интернетом и еще кучей каких-то современных штуквин, пользоваться которыми я пока не научился. Но, что более важно для меня, конечно, – у нас появилась кухня. Что может быть круче, чем приготовленные прямо на работе карривурст или настоящие говяжьи бургеры, пожаренные только что и помещенные в свежайшие пшеничные булочки с листьями салата и тончайшими ломтиками помидоров.

Еще какое-то время ушло на то, чтобы сделать ассортимент магазина по-настоящему качественным и не «попсовым», и это я сейчас не про отсутствие поп-исполнителей говорю. По такому случаю мы с Эдом даже предприняли вторую за свою жизнь поездку в Англию – к ребятам из “Vinyl Tap”, чтобы на месте подобрать что-нибудь интересное.

И вот, спустя почти месяц мы были готовы к открытию. Продавца мы пока не нанимали, я решил сам первое время проконтролировать ситуацию, на месте понять, чего клиентам будет не хватать в плане музыки и обстановки, да и самому намного легче превратить нового посетителя в постоянного клиента. Особой рекламы мы тоже решили не давать, у нас же не сезонная распродажа в сетевом магазине женской одежды, потенциальные клиенты нашего нового магазина это люди, половина из которых уже были в других наших точках, а оставшаяся половина – их знакомые, коллеги или друзья. Поэтому новость о «Доме Винила» мы рассказывали в первую очередь своим покупателям трех других магазинов и клиентам из Сети.

Чтобы не начинать историю «Дома Винила» с плохо запоминающегося числа, было решено открыться первого июня. В этот день мы обещали всем покупателям одну пластинку в подарок, бесплатный кофе и возможность хоть целый день сидеть на нашем шикарном диване и слушать пластинки из доброй сотни дисков, специально отобранных для этой цели.

С акцией мы, конечно, погорячились: в первый же день мы продали 150 пластинок и около сотни ушли на подарки – такого наплыва посетителей мы с Эдом просто не могли себе представить. Почти весь день мы даже не присели – оба работали то в зале, то на кассе, консультируя и продавая, продавая и консультируя. К закрытию мы оба были выжаты, но довольны – проект точно не провалился с треском, значит, всё было не зря.

Пожалуй, впервые мы с Эдом не пошли отмечать такое важное событие, как успешное открытие магазина – оба просто валялись с ног, а завтра ожидался примерно такой же ажиотаж: сегодня многие посетители только присматривались, приценивались, интересовались. И обещали зайти завтра или «на днях».

– Давай отметим сразу неделю или месяц со дня открытия, заодно станет понятно, насколько это всё вообще стоило времени и денег, сюда вбуханных, – с некоторым раздражением сказал Эд, всегда злившийся на пустом месте, если действительно уставал.

– Да без проблем, но ты тогда поезжай домой один, я хочу тут немного прибраться, пластинки на места поставить, да и послушать чего-нибудь в тишине хочется на новом диване, а то так и не опробовал пока, – я понимал, что Эд в таком состоянии уже мне не помощник, будет только под руку говорить да причитать постоянно.

– Отлично, хоть одна приятная новость. Тогда я погнал, – Эд махнул мне и уже через секунду оказался одетым в дверях магазина. Вот бы он так всегда собирался, а не только тогда, когда очень хочет домой.

Оставшись один, я посвятил первые десять минут небольшой уборке и восстановлению порядка на полках с пластинками. Потом прошел на кухню, достал из шкафчика Баллантайнс, из морозилки – лед, соединил в стакане эти нехитрые элементы моего «коктейля», сразу сделал хороший глоток и пошел обратно в зал.

В зале я выключил почти весь свет, оставив гореть только маленькое бра в дальнем углу. Совершенно не думая о том, что же хочу послушать, протянул руку к полке с пластинками Гленна Миллера, достал из конверта «Звездную пыль», записанную в 1941-м, поставил на проигрыватель, опустил иглу на «винил» и, провалившись в подушки темно-коричневого кожного дивана, закрыл глаза. Звуки медленно поплыли из динамиков, окутывая меня со всех сторон, я погрязался в нечто мягкое и нежное, тягучее и прекрасное. Я слушал Музыку.

Глава 3

Союзники

Меня снова разбудил грохот разрыва авиабомб. Нацисты бомбят Лондон в последние недели особенно рьяно. Фау-1 на этот раз взорвалась слишком близко, прямо у нас на Слоун-стрит – теперь о сне можно забыть, нужно срочно одеваться и бежать на улицу, освещенную багряными языками пламени от горящего после авианалета здания. Там до войны размещался молодежный театр, а теперь были расквартированы различные вспомогательные службы военного ведомства. Людям в здании нужна помощь, может быть, там еще есть те, кого можно спасти из-под завалов.

Меня зовут Вильям Джонс, и я – военный врач в госпитале при штабе американских вооруженных сил в Европе. Сегодня у меня могла выдаться первая спокойная ночь за последние две недели – вчера вместе с оркестром Гленна Миллера к нам прибыл новый военврач, который, огромное ему за это спасибо, не стал даже распаковывать чемоданы и практически сразу вышел на ночное дежурство, сменив меня.

Но теперь это не имеет никакого значения – работы хватит на всех, причем не на одну ночь. Я быстро накинул китель и побежал вниз. Когда вчера вечером в полумертвом состоянии я падал на кровать, у меня хватило сил снять только его, и сейчас я был очень этому рад. На улице уже было не протолкнуться: отовсюду бежали солдаты с носилками, ломami, кирками, ведрами воды и песка, сновали туда-сюда медсестры, которых можно было легко узнать в красных сполохах по их белым повязкам на рукавах, гражданских тоже хватало, – все кто мог или просто хотел чем-то помочь устремились к горящим развалинам.

Бомба попала довольно «удачно», если такое выражение вообще уместно при разговоре о бомбардировке – основные разрушения получило крыло, вмещавшее склад и кухню-столовую, которая посреди ночи, хвала Небесам, еще не работала – повара должны были прийти в 4.30 утра. Центральный вход в здание почти не пострадал, и раненых можно было выносить через него, и это обстоятельство спасло жизнь как минимум трем караульным, охранявшим склад в эту ночь – их вовремя доставили в госпиталь, и серьезной кровопотери удалось избежать. К несчастью, без погибших не обошлось: начальник караула и кладовщик, которые должны были находиться на складе круглосуточно, погибли, попав в самый эпицентр взрыва.

– Билл, ты уже здесь, отлично, – слышу я из-за спины удовлетворенный голос начальника госпиталя. – Я тоже не успел уснуть, – говорит он, глядя на то, как я одет.

– Да, шеф, поспать нам пока, видимо, не судьба, – говорю я на ходу, так как мы с полковником уже бежим к нашему госпиталю, обгоняя колонну солдат с ранеными на носилках.

В приемном покое народу битком, но суеты и неразберихи нет – работа госпиталя в условиях военных действий и постоянных авиаударов давно подстроилась под такой сумасшедший ритм, и все службы четко выполняют свои функции.

Мы с полковником сразу расходимся по двум соседним операционным, там нас уже ждут два тяжелораненых бойца с осколочными в голову и живот. Я долго мою руки и тру глаза – нет ничего хуже, чем сложная операция после стольких ночей без нормального сна. Но я должен сохранять четкую работу рук и головы хотя бы еще на пару часов – раненые парни не виноваты, что врачи не спят, они не должны страдать из-за этого, они-то свой долг выполняли до самого конца, пока могли стоять на ногах, значит, и мы справимся.

Спустя два часа и две операции я сидел в холле и абсолютно онемевшей от усталости рукой пытался крутануть колесико бензиновой зажигалки, чтобы прикурить. Пока я мучился с

этой непростой задачей, кто-то подошел ко мне сзади-сбоку и, чиркнув спичкой, помог зажечь сигарету. Я прикурил и не глядя кивнул в знак благодарности невидимому помощнику.

– Доброй ночи, доктор, – обратился ко мне довольно приятный мужской голос, – позволите спросить, с ним все будет нормально?

Я обернулся, пока не понимая, о ком или о чем, вообще идет речь и хотел прямо спросить об этом, но мой собеседник опередил меня.

– Я говорю о том парне, которого вы только что оперировали, с ранением в ногу, – уточнил Гленн Миллер.

Да, это был именно он, я уже много раз видел его портрет на афишах еще дома, в Нью-Йорке. Наверное, мне следовало бы удивиться или хотя бы немного оторопеть, ведь я встретился лицом к лицу с одним из самых популярных музыкантов нашего времени, но я был настолько уставшим, что смог только немного приподнять левую бровь в знак удивления.

– Доброй ночи, капитан. Да, у него легкое ранение по касательной: сухожилия, артерии и другие важные элементы не задеты, через несколько дней он уже сможет подняться, а еще через неделю полностью встанет на ноги.

– Простите, я не представился. Капитан Гленн Миллер, руководитель прибывшего вчера военного оркестра, – начал представляться Миллер, но я немного неуклюже перебил его, сказав, что узнал, что очень рад знакомству и представился сам.

Молодой парень, которого я оперировал, оказался трубачом из оркестра, поэтому Миллер и пришел в госпиталь, как только узнал о случившемся, – оркестр квартировал совсем рядом, тут же, на Слоун-стрит. Он был очень рад, что его товарищ сильно не пострадал: во-первых, они просто были приятелями, а во-вторых, (и мне показалось, что это был наиболее важный момент) такому трубачу не найти быстро замену и в мирных Штатах, а уж тут, на войне, и думать нечего.

Мы поговорили еще буквально пару минут про ситуацию на фронте, про оркестр и его состав (сорок пять музыкантов, три отличных вокалиста). Я был приглашен на ближайший концерт и на том мы распрощались – мне было просто жизненно необходимо поспать хотя бы пару часов, причем, похоже, спать я буду тут же в госпитале, на диване в ординаторской, а Миллеру нужно было проверить, все ли нормально с остальными его подопечными.

На этот раз я поспал около пяти часов: то ли мне действительно решили дать отдохнуть, то ли просто не смогли разбудить – не знаю, но выспался я отлично. Первым делом после пробуждения я спустился на первый этаж, где располагался кафетерий для персонала, выпил две чашки крепчайшего кофе и съел нечто среднее между пончиком и засохшим хлебом, но привередничать в такой ситуации не приходилось.

В коридорах уже не было столпотворения, никто не бегал, новых раненых не привозили. Поднявшись обратно в ординаторскую и не обнаружив никого, сразу пошел в кабинет начальника госпиталя, чтобы узнать, какие распоряжения будут на сегодня.

Полковник был на месте и, судя по еще дымящейся на столе чашке кофе, тоже совсем недавно проснулся. Правда, был он уже не один.

– Здравия желаю, господин полковник, – военные приветствия были среди врачей нашего госпиталя не приняты, но когда рядом посторонние, лучше быть начеку.

– Привет, Билл, – похоже, все было нормально, так что строить из себя прилежного вояку совсем необязательно. – Познакомься: Кэрол Валентайн, военный корреспондент «The Times», прибыла к нам для создания серии репортажей об американских вооруженных силах, нашем госпитале и о Миллере, конечно. Ты же уже слышал, что он прибыл вместе со своим оркестром?

– Очень рад, разрешите представиться: майор Вильям Джонс, военврач и заместитель господина полковника, – я слегка улыбнулся, посмотрев в глаза этой милой и еще совсем молодой девушки, сидящей за столом полковника с ручкой и тетрадкой, как студентка-отличница. –

Да, не только слышал, но и беседовал ночью с Миллером, а до этого оперировал его трубача, а вы, видимо, тогда еще были в операционной и разминулись с ним.

– Кэрол, – просто ответила она и посмотрела куда-то сквозь меня, в сторону коридора. То ли ей был неинтересен именно я, то ли было очень интересно что-то другое, находящееся там, за дверью – этого я не понял.

Из дальнейшего разговора я узнал, что кроме своих прямых обязанностей врача и экстренных вызовов в госпиталь, которые случались почти каждый день, теперь мне еще предстояло помогать мисс Валентайн в ее нелегком деле.

Как оказалось, приступить мы должны были немедленно, и я мысленно обрадовался тому, что позавтракать решил до визита к начальству, а то так и остался бы голодным. Первым делом я провел Кэрол по всем трем этажам госпиталя, рассказывая, где проходят операции, где восстанавливаются раненные, где находится перевязочная, и где отдыхают врачи и медсестры, как поступают и хранятся медикаменты и все прочее в таком духе.

Уже через десять минут напряженного молчания с её стороны, я четко осознал: всё, что я говорю, мою собеседницу совершенно не интересует.

– Мисс Валентайн, вам это не интересно? Вы хотели бы узнать что-то другое?

– Простите, сэр, но я не хочу писать репортажи с войны, в которых бы описывался температурный режим хранения пенициллина, – она говорила не с вызовом, не с упреком, она просто констатировала факт, и никакого отношения ко мне это не имело.

– Что же тогда вы хотите увидеть? – я немного растерялся, не зная, что же ещё может заинтересовать столь молодую особу с кудрявыми светлыми волосами и слегка вздернутым носиком.

– Я бы хотела быть здесь, когда случится очередной авианалет, чтобы рассказать не только про устройство госпиталя, но и показать, как вы все здесь *реально* спасаете жизни наших солдат и гражданских. Я хочу провести читателя от места и момента трагедии, через операционную и палаты до выздоровления или смерти, – глаза девушки просто сияли праведным огнем, похоже, она очень ярко представляла себе всю картину происходящего и действительно знала, как обо всем этом написать, чтобы задеть читателей за живое.

– Не думаю, что вам стоит видеть то, что здесь творится в такое время – тут очень много раненых, окровавленных людей, крики и стоны доносятся отовсюду. Чтобы к этому привыкнуть нужно время. Много времени. Иначе у вас просто может быть шок и вы свалитесь без чувств. Да и опекать вас никто из врачей в такой ситуации не сможет – все будут заняты настолько, что некогда будет лишний раз вздохнуть, не то что интервью давать.

– Простите, майор, но вы меня, похоже, с кем-то путаете, – она стала серьезна настолько, что я сразу почувствовал, что она действительно сможет провести ночь в госпитале, да еще и поможет нам, если это понадобится.

– ОК, пусть будет по-вашему. Я выпишу пропуск, с которым вас пустят в госпиталь в любое время. Только одна просьба: не мешать докторам и всему медперсоналу. После я дам вам любые комментарии, какие пожелаете.

Следующие две недели прошли просто отлично, в данной ситуации «отлично» означало просто «спокойно», чего всем нам было достаточно. Я приходил утром на работу, проводил совещания, делал обходы, консультировал коллег, сделал одну плановую операцию и, что самое важное, ночью уходил домой, отсыпаться.

Ни ночные авиаудары, ни мисс Валентайн меня не тревожили, я смог немного прийти в себя и начал подумывать, а не сходить ли на концерт оркестра Миллера. После своего первого концерта 14 июля 1944 года на базе Thurlleigh USAAF, о фантастическом успехе которого писали все газеты, теперь уже майор Миллер провел более двадцати выступлений. Оркестр играл каждый день, иногда по несколько концертов, выступая на авиабазах и в концертных залах, всеми силами помогая поддерживать бодрость духа в сердцах солдат и офицеров. Бли-

жайший концерт должен был состояться у нас в госпитале, поэтому пропустить его я просто не мог, да и не хотел, конечно же.

Мы с полковником были приглашены на концерт лично руководителем оркестра, хотя по долгу службы, в любом случае, мы бы пришли на него, даже если бы больше всего на свете не хотели слушать музыку Миллера. Кроме того, подготовка концерта требовала решения множества организационных вопросов, которые нам же и предстояло решать. Под площадку для выступления была приспособлена веранда в парке на территории госпиталя, в котором обычно прогуливались выздоравливающие. В теплую летнюю погоду мы могли себе это позволить, не опасаясь ухудшения здоровья наших пациентов, большая часть которых на этот вечер превратилась в зрителей.

И вот день концерта настал. Музыканты приехали практически впритык к назначенному времени – оказалось, что утром они уже отыграли программу на авиабазе и сразу после этого поспешили к нам. В силу того, что выступление должно было проходить на открытом воздухе, зрителям выпала возможность наблюдать за всеми приготовлениями оркестра, подстройками инструментов, за небольшой предконцертной репетицией.

Когда концерт начался и оркестр заиграл “Moonlight Serenade” (“Серенаду лунного света”), зрители просто взорвались аплодисментами и восторженными приветственными криками. В этот момент я понял, что когда Миллер говорил, что хочет играть на войне, чтобы “вдохнуть немного энергии в ноги наших марширующих солдат и немного больше радости в их сердца”, он был прав на все сто. В воздухе царила атмосфера праздника, воодушевления, радости и надежды. О том, что мы находимся на территории госпиталя, вокруг идет война, большинство зрителей – раненные солдаты, в то мгновение все просто позабыли. Здесь и сейчас царила Музыка, а все остальное было неважно.

Оркестр играл фантастическую программу: «I Know Why» («Я знаю почему»), «In the Mood» («В настроении»), «Tuxedo Junction» («Перекрёсток смокинг»), «Chattanooga Choo Choo» («Поезд на Чаттанугу») и другие самые популярные вещи, которые в исполнении Миллера знал уже весь мир.

Звук в парке распространялся легко и приятно, было совсем необязательно тесниться в толпе зрителей, чтобы насладиться музыкой. И я, воспользовавшись тем, что все были заняты концертом, потихоньку отошел вглубь аллеи, сел на деревянную скамейку, закурил и закрыл глаза. Со сцены в это время плавно полилась моя любимая композиция «Stardust» («Звездная пыль»).

С закрытыми глазами слушать такую музыку – особенное удовольствие, ты ни на что не отвлекаешься, перед глазами не мельтешат люди, автомобили, не мешает свет окон и фонарей. Можно просто сидеть, вслушиваться в каждую из нот, в их переливы, улавливать игру оркестра целиком и безошибочно выделять в ней тромбон Миллера.

Так, сидя на удобной скамейке, я то ли задремал, то ли вошел в состояние близкое к трансу, по-видимому, вызванное музыкой, доносящейся со сцены. В этот момент я был самым счастливым человеком на Земле, несмотря ни на что.

Глава 4

Мысли вслух

Ощущение реальности все никак не хотело возвращаться ко мне. Я не совсем понимал, что со мной происходит: то ли проснулся, то ли вышел из комы или вернулся с того света. Вокруг было темно, тихо, я лежал на чем-то мягком и силился вспомнить, где же я мог оказаться и что вообще происходит.

Постепенно до моего сознания начало доходить, что я в своем новом магазине, что я остался здесь после закрытия и решил немного выпить и послушать музыку. Странно, но я не помнил, как оказался лежащим на диване, как уснул. Вроде и выпил-то только одну порцию виски. Может быть усталость, накопившаяся за день сделала свое дело, и я решил прилечь? Ничего не помню.

Зато я очень отчетливо помнил свой сон. Только вот ощущения, что это именно сон, не было. Скорее, мой мозг воспринимал все увиденное как воспоминания давно прошедших лет. Так бывает, когда перед сном начинаешь думать о далеком прошлом, в памяти всплывают лица знакомых, какие-то диалоги, прожитые волнительные моменты. Но то, о чем я думал сейчас, никак не могло быть моей памятью: я просто спал и видел очень яркий и детальный сон, одновременно страшный и прекрасный, в нем была война и музыка Миллера.

Такое со мной произошло впервые. Нет, конечно, сны, похожие на некий «фильм», я видел и раньше, но никогда прежде после пробуждения я не помнил столько деталей, имен, лиц. Что ж, все когда-то происходит в первый раз. Я решил, что не буду «зацикливаться» на такой мелочи, все-таки это был просто сон, и подумал, что неплохо бы отправиться домой, не ночевать же в магазине.

К моему удивлению, было еще совсем не поздно, что-то около одиннадцати часов – получается, я спал всего ничего. Как же за такой короткий промежуток я успел увидеть такой долгий сон? Видимо, в нашем подсознании время существует по другим законам.

Естественно, теперь мне спать совсем не хотелось. Я попытался придумать, чем же можно себя занять хотя бы на пару часов, пока снова не захочется спать, но ничего дельного в голову не приходило. Оставалось одно: пойти бродить по окрестным улочкам, выпить где-нибудь пару кружек пива с легкой закуской, посмотреть там же футбол, хоккей, или еще какой-нибудь спорт, который наверняка будут показывать в баре, а потом уже идти домой и пробовать заснуть.

Дойдя по центральной улице своего района до первого же открытого заведения, я, даже не глядя в меню, заказал два светлых фирменных пива и порцию фисташек. В этом баре я оказался впервые. Судя по всему, заведение открылось совсем недавно: мебель и барная стойка были чересчур свежи, и на их поверхности не было видно ни единой царапины – крайне странное зрелище для спорт-бара.

Я выбрал для себя самый дальний столик от входа, в глубине зала, но такой, чтобы хорошо было видно большой экран телевизора, висящего под потолком. Я не хотел сейчас общаться с людьми. А вот посмотреть на людей на телеэкране я был очень даже не против. Конечно, в такое время о прямой трансляции футбола речи не шло – передавали повтор какого-то дневного матча бундеслиги, название команд с моего места разглядеть не удалось, а вставать и подходить к телевизору не хотелось.

Просидев так с полчаса, в матче как раз начался второй тайм, я расплатился с неприветливым барменом с потухшим взглядом и «вышел в ночь». Да, теперь на улице уже стояла именно ночь – не поздний вечер, не сгущающиеся сумерки, а обычная, какая и положено, ночь.

После пива с орешками жутко захотелось есть. Вот всегда со мной так: мог же заказать в баре какой-нибудь еды, наверняка салат, сосиски или еще что-нибудь такое у них было, но нет же, о том, что я хочу есть, всегда вспоминаю уже на улице. Ничего не поделаешь, придется тащиться в круглосуточный магазинчик, там точно можно будет купить что-нибудь, не требующее готовки.

Можно было бы, конечно, пойти домой и там поесть. Но это только в том случае, если в холодильнике есть еда. А ее там не было. С этим открытием магазина мне вообще не хотелось ходить за продуктами и что-то стряпать. И я решил, что какое-то время можно перебиться тем, что подают в кафе или предлагают «с собой» в забегаловках быстрого питания.

В итоге, чуть за полночь я был дома с пакетом всякой съедобной, но по большей части нездоровой пищи. Приняв душ, открыв банку колы и шелестя на всю квартиру пакетом чипсов, я устроился на диване, включил телевизор и целый час смотрел какой-то нудный детектив. Зачем это делал, я не понимал, видимо, хотел просто какое-то время быть чем-то занятым. Впрочем, польза от этого фильма была – я очень захотел спать. И пока это желание никуда не улетучилось, пулей полетел в кровать и уже через несколько минут крепко спал. На этот раз мне не снилось абсолютно ничего.

Даже несмотря на то что лег довольно поздно, проснулся я в семь часов, причем бодрый и отдохнувший. Иногда отсутствие снов – явный плюс, мозг успевает отдохнуть за меньшее время.

Проверив свои запасы, я понял, что даже с учетом вчерашней ночной закупки ничего для завтрака у меня нет. Можно было бы выпить кофе с тостом, почитать газету и отправиться на работу, как показывают в фильмах, но, к сожалению, я так не умел. Для того чтобы начать день мне нужна настоящая пища: омлет с беконом, пицца, на худой конец, многослойный и крайне сочный бутерброд.

Хорошо, что есть кафе, работающие с самого утра как раз для тех, кто есть спозаранку любит, но держит холодильник пустым. Умывшись, одевшись и быстро пролистав основные каналы в телевизоре с их вечным *Morgenmagazin*, я вышел из дома. Восемь утра в Берлине – разгар утра, все спешат на работу, многие уже приступили к своим обязанностям и усердно трудятся, чтобы в 17.00 с чистой совестью засесть в ближайшем ресторанчике за кружечкой любимого пива.

Я же никуда не спешил – до открытия магазина оставалась уйма времени. Наслаждаясь какой-то легкостью и чувством свободы, я шел медленно, рассматривал знакомые дома и улицы, выискивал что-нибудь интересное в витринах, читал мельком заголовки свежих газет в лотках с прессой. Так славно поутру мне не было очень давно. Не знаю, с чем это связано, может быть с тем, что спало напряжение, постоянно давившее до открытия нового магазина, а может быть все дело во сне, который мне приснился. Очень уж интересно и правдоподобно все в нем было, да и живое выступление оркестра Гленна Миллера – это что-то. Хотя, если подумать, это ведь тоже только плод моей фантазии и оркестр в реальной жизни, может быть, вообще играл не так и не то.

Дойдя до кафе, где подавали завтраки в моем любимом формате, я заказал «Большой континентальный» и, пока ждал свой заказ, размышлял, стоит ли рассказывать Эду про мой сон. И пришел к выводу, что не стоит: он парень классный во всех отношениях, но вот рассказывать ему сны – это лишнее.

В кафе была занята всего пара столиков, и я уселся за один из трех свободных, прямо у окна. Наблюдать за людьми, спешащими на работу, пока сам сидишь и спокойно завтракаешь – отличное занятие. Только если сидеть так слишком долго или слишком часто, начинаешь

задумываться, а все ли с тобой нормально. Может быть, тебе тоже надо куда-то поспешить, что-то поделывать с серьезным видом и в 17.00 вернуться обратно? Вот и сейчас я не смог просидеть в кафе больше получаса: что-то внутри задергалось, заволновалось, и во мне проснулся трудоголик – я поспешил в магазин.

Придя и открыв дверь, я ощутил то приятное чувство, которое испытываешь, возвращаясь в свой любимый дом. Похоже, мы все сделали правильно – и с местом не прогадали и с его обстановкой. Но, к сожалению, для лирики уже не оставалось времени – нужно было подготовить все для второго дня открытых дверей в нашем магазине.

Первым делом я достал из закутка-склада пластинки для подарков, доставил немного «винила» в зал, заполнив пробелы на месте проданных вчера дисков. Потом зашел в офис, проверил почту и с полчаса формировал заказы, присланные через Интернет. Для продаж в Сети у меня была выделена отдельная ниша в глубине комнаты, в которой находились действительно редкие пластинки, покупателя на которых просто так на улице вряд ли встретишь.

Пока я возился в дальней комнате, зазвенел колокольчик, оповещавший, что кто-то открыл дверь. Я решил, что это Эд неожиданно решил не опаздывать сегодня и даже не стал выглядывать в зал. Однако, спустя некоторое время, я понял, что если бы сюда зашел Эд, уж он догадался бы, где я. Поняв это, я быстро зашагал в сторону входа, не хватало еще, чтобы пара коробок с пластинками исчезла в неизвестном направлении уже на второй день работы.

В торговом зале меня ждал не Эд и не грабитель, а довольно приятный сюрприз: молодая девушка, совсем невысокая и худенькая, прохаживалась между рядами пластинок и иногда пробегалась по обреза́м конвертов пальчиками в легких кашемировых перчатках, перелистывая диски, видимо, что-то искала.

– Добро утро, фройляйн – как можно дружелюбнее поздоровался я.

– Доброе утро, – она отдернула руку от пластинок, видимо, задумалась и не заметила, как я зашел в зал.

– Вам чем-нибудь помочь? Ищите конкретную пластинку? Или исполнителя? Вообще-то мы работаем с одиннадцати, но я с удовольствием помогу вам, – хочешь, не хочешь, а обязанности продавца на сегодня для меня никто не отменял.

– Если честно, я пока не решила, чего хочу точно, но мне кажется, что это должно быть что-нибудь мелодичное и с приятным пением.

Я не знал, о каком стиле музыки она говорит, даже о каких примерно годах или странах, поэтому попытался немного сузить сектор поиска и спросил, каких исполнителей она предпочитает, но, оказалось, что она не очень разбирается в старых пластинках, а точнее, вообще не разбирается.

– На Рождество ... мне подарили проигрыватель и пару пластинок ... с рождественскими песнями ... я их прослушала и ... больше проигрыватель не включала ... А сейчас шла на работу ... и увидела вашу вывеску... Вот и решила зайти, – она говорила как-то прерывисто, что ли, как будто на долю секунды задумывалась перед каждой фразой, а иногда и словом.

– Тогда могу вас обрадовать: вы очень удачно зашли, мы только вчера открылись и у нас есть очень много классных пластинок. Может быть, посмотрим вот эти? – Я быстро пробежал взглядом по рядам дисков, вытащил и передал в руки моей утренней гостье пластинки в таком порядке: Фрэнк Синатра, Дин Мартин, Перри Комо, Энди Уильямс, Бинг Кросби, Макс Байгрейвс.

Девушка не спеша рассматривала каждую сторону каждого конверта, читала название пластинки и описание на задней стороне, откладывала просмотренную пластинку в сторону и начинала изучать следующую. Закончив осмотр всех шести дисков, она отвернулась от меня и просто смотрела в окно добрые пару минут.

– Не знаю почему, но обложки пластинок нравятся мне намного больше, чем вкладыши у CD. Особенно у старых пластинок. У меня есть одна вот этого исполнителя, – она показала на

конверт с улыбающимся Максом Байгрейвсом на обложке. – На той пластинке конверт сделан как поздравительная рождественская открытка со стихами внутри – разве у CD такое встречается?

– Думаю, это вы про сингл «Christmas Greetings» 65-го года – отличный диск. У меня когда-то был такой, действительно красивый конверт, да и «Silent Night» в исполнении Байгрейвса очень хороша, – я не совсем понимал, слушает она меня или нет, может быть, она сказала все, что хотела и мой ответ тут вовсе не подразумевался.

– Да, там была именно эта песня. А вы хорошо разбираетесь в пластинках? В магазине научились?

– Не совсем, скорее наоборот. Сначала узнал кое-что о пластинках, а потом уже попал в магазин. Кстати, меня зовут Алекс, мы на пару с приятелем держим несколько магазинов пластинок, в том числе и этот, – я решил, что продажи никуда не денутся, а вот такую интересную девушку, я может уже больше не встречу, по крайней мере, до сих пор же не встречал.

– Криста, – она назвала только имя, не «очень приятно», не «а меня зовут...» или хотя бы «а, вот оно что». Только имя.

– Очень приятно, Криста, – я просто не знал, что сейчас еще сказать.

– Знаете, Алекс, давайте я возьму все эти пластинки, не хочется сейчас стоять, выбирать, решать, кто лучше. Вот послушаю и решу.

Я рассказал ей про нашу акцию, добавил к ее заказу еще пару пластинок в подарок; она же как-то рассеяно меня поблагодарила, сказала, что, может быть, еще зайдет и совершенно неожиданно для меня вышла из магазина. Я не успел не то что телефон у нее спросить, а даже попрощаться по-человечески. Что ни говори, а она была немного странная, эта Криста. Этим, видимо, она меня и зацепила.

Буквально сразу после ее ухода дверь снова открылась, колокольчик звякнул, и в магазин вошел Эд. По сравнению с тем Эдом, с которым я попрощался вчера вечером, этот парень выглядел и счастливее, и моложе – вот что значит здоровый сон.

– Привет, Эдик, – я не всегда называю его так, только если его физиономия выглядит слишком довольной – это просто не дает мне покоя.

– Я тысячу раз просил меня так не называть! Привет! – его тон явно говорил о том, что он и не думал обижаться.

– Как дела? Выспался?

– Ага, давно так крепко не спал. Как приехал домой, так сразу и лег – ни кино не смотрел, ни книжку не читал, даже не ел и компьютер не включал. А что это за неземное создание сейчас чуть не сбilo меня с ног, выходя из магазина? – Эд ухмыльнулся, видимо, столкнулся с Кристой в дверях и теперь не оставит меня в покое, пока не пошутит на эту тему вдоволь.

– Пока ты дрых, я шесть пластинок продал, – я решил, что теперь ни за что не стану ему ничего рассказывать.

– Молодец, теперь заживем! – он расхохотался и сел в кресло.

– Ее зовут Криста, она хотела что-нибудь послушать, я помог ей выбрать, – я все-таки подумал, что лучше скажу все, как есть, а то напридумывает еще чего-нибудь.

– Красивая. Только вот глаза грустные, – как-то с тоской сказал уже совершенно серьезный Эд.

Мы молча посидели несколько минут, и на этом наша беседа на отвлеченные темы как-то сама собой закончилась. Оставшееся до открытия магазина время мы курили в офисе, печатали ценники на новые пластинки, решали, как будем работать дальше: вместе, по очереди, или возьмем продавца, чтобы приходить в офис только тогда, когда нам нужно и не зависеть от графика работы магазина. Тем временем начали приходить люди и Эд вышел в зал. Я поставил пластинку Херби Манна, включил усилитель и колонки: для утра волшебная флейта и босанова – самое то.

День был не такой прибыльный, как вчера, хотя людей было заметно больше – многие вчерашние покупатели пришли со своими знакомыми, но сами уже ничего не покупали, просто слушали музыку, говорили о пластинках, пили кофе и создавали видимость наплыва покупателей.

Ближе к обеду первая волна спала, теперь до окончания рабочего дня в конторах, скорее всего, будет затишье. Я даже успел приготовить пару стейков и простенький салат из куриного карпаччо, рукколы, сухариков и помидоров черри, приправив все это дело оливковым маслом.

Пообедали мы знатно, Эд сходил в ближайший магазин и принес бутылку красного, которое оказалось очень кстати к нашим мясным блюдам.

После пяти вечера, как мы и ожидали, пришла вторая «волна», но уже не такая сильная и утомительная. Через пару часов мы снова были свободны и решили, не дожидаясь закрытия, отпраздновать-таки окончательное открытие «Дома Винила».

На этот раз в магазин сходил я сам, чтобы на месте выбрать что-нибудь для сооружения простенькой закуски, да и наш магазинный бар был еще не заполнен – это надо было срочно исправлять. Я решил, что мы вполне обойдемся галетами, моцареллой, оливками, копчеными колбасками и начос с готовой острой сальсой. Из выпивки я взял два J&V для употребления в чистом виде, для коктейлей выбрал джин Гордонс и водку, взял пару упаковок баночного пива и еще местного белого вина.

Посидели мы с Эдом, как в лучшие годы – съели все подчистую, да и выпили половину из закупленных мной запасов. Пластинки крутили одну за другой: сначала отлично шел джаз – «Вуди» Герман, Гетц, Дорси, Каут Бейси, потом захотелось чего-нибудь рок-н-рольного и в дело вступили Эдди Дуэйн, Чак Берри, “The Beatles”. После битловской “Мишель” Эд начал явственно клевать носом и засобирался домой. Выходило, что прибираться сегодня снова выпадало мне – на завтра оставлять такой разгром я не хотел.

Эда я посадил на такси, что-то его слишком шатало, сам же собрал и вынес в бак на заднем дворе весь мусор от наших посиделок, вытряхнул пепельницы, открыл окна в офисе и на кухне, чтобы запустить внутрь приятную ночную свежесть. После этих нехитрых, вроде бы действий, я почувствовал, что тоже нахожусь не в самом трезвом виде, голова немного кружилась, ноги не слушались.

Я понял, чего хочу сейчас больше всего на свете – я хочу увидеть продолжение того сна. Но за пластинкой Миллера идти не хотелось, а под рукой был диск The Beach Boys “All Summer Long”. Мы с Эдом хотели его послушать после “Битлов”, да так и не включили. Поставив пластинку, я взял банку пива и прилег на диван. The Beach Boys запели “I Get Around”...

Глава 5

Солнечные зайчики и пляжные мальчики

Стиви-и-и-и, Стиви-и-и-и! – я слышу чей-то настойчивый и, похоже, немного обиженный голос, и даже через закрытые веки чувствую, что мне в глаза светит что-то яркое. – Ты что, уснул? Стив, вставай!

Я приподнимаюсь на локти, приоткрываю правый глаз и тут же его закрываю. Около меня сидит Джинни и пускает мне прямо в лицо солнечных зайчиков своим карманным зеркальцем.

– Эй, убери зеркало, слепит ужасно, – я прикрываю глаза рукой и снова пытаюсь их открыть. На этот раз вспышки от зеркальца не чувствую, но глаза открыть все равно не просто – вокруг и без солнечных зайчиков все прямо пылает от яркого света.

Я, так толком и не открыв глаза, делаю резкое движение, подаваясь вперед и садясь, обхватываю Джинн за талию, и мы тут же вместе валимся обратно на землю. Она явно уже не дуется, смеется во всю и даже не пытается вырваться. Так, обнявшись, мы лежим еще с минуту, пока мои глаза привыкают к свету.

– Стив, пойдем купаться, мы же сюда не спать ехали, – Джинни так по-детски надула губки, что сопротивляться ее уговорам не было никаких сил.

Я поднимаюсь, протягиваю руку вниз и поднимаю ее. Мы не спеша идем по горячему песку пляжа Ньюпорт-Бич в сторону воды. Рядом с нами со всех сторон загорают, куда-то идут, слушают радио или просто дурачатся такие же молодые и загорелые парни и девушки – студенты из Беркли, серферы, просто местные бездельники и их приехавшие на каникулы друзья. Что может быть лучше лета на пляже, особенно лета на пляже в Калифорнии.

Окунувшись с головой, я понемногу начал приходить в себя. Голова прояснилась, окружающая действительность перестала казаться туманной. Видимо, я сильно перегрелся на солнце, да и дневной сон на жаре после пары банок пива тоже не добавлял бодрости. Джинни же чувствовала себя отлично и пыталась обрызгать меня, что есть мочи ударяя руками по поверхности воды. Я с удовольствием принял вызов и окатил ее самой мощной волной, которую смог вызвать силой своих рук.

Вдоволь наплававшись, мы вышли на берег, добрались до своих полотенец и уселись на них. Только я очутился на полотенце и устроился поудобнее, моя подруга объявила, что хочет пить. Я же, кроме жажды, почувствовал и вполне себе зверский аппетит. Поэтому, недолго думая, мы решили дойти до ближайшего пляжного кафе и там чего-нибудь перекусить.

В забегаловке для серферов, что расположилась в сотне метров от нас, выбор блюд был невелик – пара видов бургеров, хот-доги, пиво и кола. Как раз то, что нужно. Я подошел к кассе и заказал два чизбургера (себе с двойным луком, Джинн совсем без него) и две колы – пива больше не хотелось.

Пока собирали бутерброды и наливали колу, я стоял, облокотившись на стойку, и слушал самую свежую и популярную сейчас песню «Пляжных мальчиков» – «I Get Around». Песня была действительно классная, но мне с этого альбома больше нравилась «Little Honda» – о таком же, как у меня, малыше Хонда 50.

Мы и сюда, на пляж, приехали именно на нем – быстро, удобно, с ветерком. Я, пока во всяком случае, ни на какую, даже самую крутую тачку, не променяю свой Honda 50: галлон бензина почти на 200 миль, три передачи, да и скорость больше 40 миль в час мне для поездок по городу и на пляж не нужна.

Взяв заказанное, я сразу расплатился и пошел обратно к столику. Джинн смотрела в окно и даже не сразу поняла, что я уже вернулся.

Мы молча жевали чизбургеры и попивали ледяную колу. В стакане льда было явно больше, чем самого напитка, впрочем, в такую жару я был не в претензии к бармену – сейчас «на ура» пошел бы и просто стакан льда. Бургеры же напротив, были очень и очень ничего: котлета, похоже, сделана прямо в кафе, прожарена хорошо, сыра и лука не пожалели – все как я люблю.

Я хорошо понимал, почему Джинн притихла. Скоро закончится лето, и я должен буду уехать. Я вернулся сюда, в Ньюпорт-Бич, только на каникулы. Скоро начнется новый семестр и нашей беззаботной пляжной жизни придет конец.

Мои родители не жалели сил и времени, чтобы их единственный сын получил лучшее образование и стал «достойным членом общества». К тому же, им казалось, что надежнее отправить меня подальше от школьных приятелей, пляжных вечеринок с неизменным рок-н-роллом из открытых окон и распахнутых дверей машин, выпивкой и горячими местными девчонками.

Кончилось это противостояние тем, что я уехал учиться в Принстон, но, по взаимной договоренности с родителями, лето оставалось полностью в моем распоряжении.

Не стоит и говорить, что, как только заканчивалась учеба, я первым же рейсом улетал домой, где и начиналась моя «вторая жизнь» – пляжная и веселая.

Джинн же училась здесь, ее родители, напротив, очень не хотели отпускать куда-то в неизвестность «свою малютку», боясь всех этих студенческих загулов, вечеринок, гадких искуссителей-старшекурсников и прочих ужасов, которые представляют себе родители девушки, уезжающей учиться в другой город.

Пока лето было в самом разгаре, ни я, ни она не хотели думать о будущем расставании – гуляли, ездили на пляж, смотрели в Drive-In новые фильмы с Элвисом, которые в этом году выходили один за другим, что-то беспрестанно ели в придорожных забегаловках и, конечно, слушали музыку.

Первым делом, по приезду домой после долгой разлуки, я брал Дженн, мы ехали в самый большой музыкальный магазин и покупали с десяток новых пластинок. Этим летом это были синглы «Everybody Loves Somebody» Дина Мартина, «I Get Around» The Beach Boys, «A Hard Day's Night» The Beatles, «Oh, Pretty Woman» Роя Орбисона, «Hello, Dolly!» Луи Армстронга и еще целая гора дисков. Каждая из этих песен крепко засела в моей голове, я, вероятно, уже не смогу забыть их мелодии и слова.

Самое интересное, мы почти не виделись с друзьями, которых в городе было невообразимое количество – все-таки мы здесь выросли и отучились в школе. Но летом нам никто не был нужен. Это было только наше время. Может быть потому, что это время было строго ограничено, мы не хотели тратить его на других. Конечно, мы периодически встречали кого-то из знакомых, иногда они присоединялись к нашим обедам и ужинам или подходили на пляже. Но это была просто неизбежность, которую мы с Джинн стойко переносили и старались больше в том месте не появляться.

На моей Honda мы объездили все самые красивые, самые уединенные пляжи побережья. Джинн училась на художника-оформителя и увлекалась фотографией. В этом году на день рождения я подарил ей только что вышедший Canon FX с парой сменных объективов. Теперь она не выпускала камеру из рук, снимая меня и мою Honda, пляжи, на которых мы бывали, закаты и рассветы, которые мы встречали вместе, людей, которые нас окружали.

Пленки улетали с какой-то невероятной скоростью, вся моя комната была увешана ее работами: вот я с пачкой пластинок сажусь на мотоцикл, вот уличные музыканты-хиппи играют на гитаре, вот загорелая до черноты surfer girl седлает волну. Самое удивительное, что снимая так много, Джинн не делала лишних кадров. Почти все снимки были если и не выдающимися,

то очень талантливыми и уж точно интересными. В них чувствовалась жизнь и ее вкус. Это была Калифорния в чистом виде, такая же легкая и светлая, как местное вино.

– Эй, Джинни, не кисни. Осталось подождать всего один год, и я вернусь сюда насовсем. Или ты сможешь приехать ко мне. Или мы вместе уедем в Нью-Йорк, Чикаго или, если захотим – на Аляску. Нас уже никто не сможет удержать.

– И что мы будем там делать? Ты сможешь жить без пляжей, волн и своего мотоцикла? Будешь ходить в офис и каждый день составлять финансовые отчеты, или чем там занимаются после окончания экономического? А я устроюсь художником в школу и буду обучать детишек рисовать яблоко? – она выглядела немного странно, голос был не грустный, не веселый, какой-то бесцветный, совсем без эмоций.

– Давай уж лучше, если мы выдержим еще один год, ты вернешься сюда, и мы решим, как быть дальше. Я бы не хотела уезжать. Переехать – да, в свою квартиру или маленький домик, жить там с тобой, но не уезжать. Мы слишком привыкли быть вместе именно здесь. И само наше «мы» без Калифорнии и ее пляжей может рассыпаться и исчезнуть.

Я был немного ошарашен и не знал, что сказать. У меня и в мыслях не было, что Джинн так серьезно воспринимает все происходящее, переживает, как сохранить наши отношения, боится неизвестности и перемен.

– Ок, Джинни, даже не бери в голову – я приеду сюда, ты будешь фотографировать, я устроюсь в какую-нибудь фирму или банк, мы снимем лучшую квартиру с видом на океан, мы будем вечерами гулять вдоль воды и будем так же счастливы, как и теперь.

Она кивнула. Мне показалось, что это был кивок не столько в знак согласия с моим высказыванием, сколько подтверждение какой-то ее собственной, не высказанной вслух мысли или решения. Чтобы там ни было, но после этого моя подруга сильно повеселела, достала из своей пляжной сумки кофр с фотоаппаратом, откинулась назад и сделала несколько кадров того, как я вгрызаюсь в бок своего чизбургера. Я же при этом соорудил неимоверно злодейскую физиономию и начал немного рычать, всячески показывая свою свирепость. Похоже, опасный кризисный момент мы преодолели без серьезных последствий.

Выйдя из кафе и снова попав в дневное пекло, мы стали думать, как провести остаток времени до вечера так, чтобы не помереть от жары, и не смогли придумать ничего лучше, чем поход в кино. Во всяком случае в зале не должно быть так жарко и светло.

Оставленная в тени Honda, судя по всему, уже довольно давно стояла на солнце, поэтому, чтобы сесть на сидения, нам пришлось сначала положить на них наши полотенца. Не очень стильно, зато можно не беспокоиться о том, что едешь на раскаленной сковородке.

До ближайшего кинотеатра мы доехали минут за пять и сразу же отправились к бару за чем-нибудь холодным. Напившись, мы подошли к расписанию сеансов и стали выбирать, какой из двух ближайших фильмов нас меньше разочарует: уже по названиям и описанию можно было понять, что обе ленты – полная чепуха и недоразумение. Но решение было принято – в кино, так в кино. Значит, оставалось только сделать выбор в пользу меньшего из зол. В итоге следующие полтора часа мы провели, созерцая что-то невообразимое – музыкальный вестрен-мелодраму – ну хоть Элвиса туда не зазвали, и то ладно.

Убивать время – самое неприятное и одновременно самое ценное занятие лета безработного студента. Когда еще у нас будет такой момент в жизни, когда можно делать все, что хочешь, или не делать вообще ничего, и это никак не повлияет на твои планы, дела, обязательства и прочие элементы нормальной взрослой жизни. С этой точки зрения все просто прекрасно: бездельничай, и ничего тебе за это не будет. Но когда этим приходится заниматься чуть ли не каждый день, начинаешь сильно напрягаться и думать о том, что, возможно, стоит найти себе какое-нибудь более осмысленное занятие.

Вот и сейчас я был немного расстроен потраченным впустую временем и хотел срочно заняться чем-нибудь полезным, о чем сразу и сообщил Джинни. Она, похоже, очень обрадо-

валась тому факту, что мне надоело бездельничать, и сразу предложила на выбор несколько возможных дел на вечер. Во-первых, можно было заняться проявлением и печатью с недавно отснятых пленок в фотолаборатории при университетской библиотеке (у Джинн уже давно был свой ключ от нее). Во-вторых, оказывается, я сам говорил ей, что мне давно пора разобраться в гараже в домике на пляже и выкинуть все ненужное оттуда. Ну, а в-третьих, ее родители давно звали нас на ужин и сегодня как раз отличный момент для такого визита.

Конечно, второй и третий варианты были для меня сейчас одинаково неинтересны. Ну что я не видел в гараже пляжного домика? Свои старые доски? Поломанные велосипеды и колонки? Нет, это точно может подождать еще ... лет пять.

А про ужин с ее высокоморальными родителями и говорить нечего – я даже не представляю, что нужно делать и какую роль играть, чтобы они остались довольны моим визитом. Думаю, что вечер накануне моего отъезда, точнее последние его несколько минут – вот отличное время для такой встречи: я привезу Джинн домой (после нормального прощального вечера с ней одной), заведу ее в дом, поговорю пару минут с ее родителями о своей специальности и завидных перспективах и уйду, возможно, даже не наговорив глупостей.

Поэтому вариант оставался только один. И он мне очень и очень нравился: можно было побыть с Джинн наедине в свете красного фонаря и посмотреть первым ее новые фото.

– Я так и знала, что разбирать гараж тебе будет лень, а встречи с моими родителями ты опять испугаешься, – Джинн совершенно бессовестно смеялась, похоже, раскусив меня еще на этапе, когда только предлагала свои три варианта.

– Ладно, Холмс, поехали уже, – мне не понравилось, что она была, как всегда, права и все знала про меня заранее. Вот главная проблема долгих и тесных отношений: про тебя всегда знают все заранее. И, что самое страшное, – не ошибаются. Во всяком случае, Джинн еще ни разу не ошиблась, если пыталась угадать мой выбор или решение.

От кинотеатра до университета ехать было порядком дальше, чем от пляжа до кинотеатра, поэтому по пути мы успели вдоволь налюбоваться морскими пейзажами, а когда углубились в город – суетной повседневностью горожан, лишенных нашего с Джинн состояния полной свободы.

Как всегда, кивнув охраннику на проходной, Джинн провела меня коридорами в уже знакомую маленькую комнатку, находящуюся на задворках помещений, в которых создавалась студенческая газета, открыла дверь своим ключом, включила свет (пока обычный) и начала приготовления к таинству проявления фотопленки.

Все эти закрепители-проявители, фиксаторы и фотоувеличители, рамки, прищепки, лотки для промывки и прочие химико-технические объекты и явления всегда действовали на меня успокаивающе. Я мог, не двигаясь по много минут к ряду, смотреть на Джинн, погруженную в процесс. Иногда она просила что-то подать или что-нибудь подержать, тогда я вставал с совершенно шикарного дивана (зачем в фотолаборатории кому-то понадобилось ставить такой диван можно только догадываться – и я догадывался) и делал то, что она просила.

Еще одним приятным моментом во всем этом было то, что в прихожей, если можно так назвать маленький коридорчик, перед дверью в самую темную комнату, стоял простенький радиоприемник, который, впрочем, отлично принимал несколько радиостанций, играющих популярную музыку.

Пока Джинн готовилась, я вышел в прихожую, настроил радио на нужную волну, сделал погромче и зашел обратно, закрыв за собой дверь. Музыка доносилась немного приглушенно, но от этого звук был еще более приятным, появлялось чувство, что мелодия берется из ниоткуда – приемника видно не было, да и Джинн уже погасила свет и зажгла свой красный фонарь, прямо магия какая-то. Я устроился на диване, прикрыл глаза и стал слушать The Beach Boys – похоже, это было их лето. Наше с Джинн и «Пляжных мальчиков». Прекрасное, жаркое лето 1964-го в Калифорнии.

Глава 6

Нехорошие предчувствия

Я очнулся, когда понял, что музыки вокруг меня больше нет. Сторона «А» закончилась, и пластинка остановилась. Как ни странно, я лежал на диване, а мое пиво аккуратно стояло на столике рядом – как оно там очутилось, я не знал. Раз я проснулся от того, что перестала играть музыка, значит, проспал я всего ничего – минут пятнадцать, не больше. Это было очень странно. Я спал и видел сон, в котором максимально подробно вмещались события целого дня, как это может быть, оставалось загадкой.

Я поднялся с дивана и начал расхаживать по комнате взад-вперед. Пива не хотелось, я налил себе приличную порцию J&B, залпом осушил стакан, снова налил и на этот раз уже стал пить маленькими глотками, продолжая бесцельно отмерять шаги.

Хоть разум мой еще был сонный, но картина была предельно ясная: если я включаю пластинку и сажусь в темноте на диван – вижу сон, в котором не последняя роль отводится музыке с этой пластинки. Бред какой-то.

Самым логичным было бы объяснение в том ключе, что я постоянно думаю о магазине, пластинках, исполнителях – вот меня и клинит таким странным образом. Нужно просто на недельку передать все дела Эду, съездить отдохнуть куда-нибудь к морю, слушать там только какое-нибудь Радио-поп, по которому никогда не будут крутить музыку, которую я люблю, и все само собой пройдет.

Но какое-то нехорошее предчувствие затаилось внутри меня и четко давало понять, что дело совсем не в переутомлении. Странная и страшная, но одновременно захватывающая и интересная мысль посетила меня – а что, если это не совсем сны, а что-то вроде фильмов о чьей-то *реальной* жизни. То есть, возможно, эти люди действительно переживали все это – и бомбардировки Лондона, и прогулки по пляжам Калифорнии, – а я просто каким-то образом попал на волну их памяти? Как радиоприемник или рация иногда выхватывают куски каких-то передач или разговоров.

Спустя еще два виски мне в голову пришла еще более интересная и менее правдоподобная версия происходящего в моей голове. Я просто вспоминаю свои прошлые жизни. Очень ясно я понял, что это вполне может быть. Мой реальный, для меня сегодняшнего, во всяком случае, год рождения – 1972-й, значит, если вообще есть смысл говорить о таких возможностях, я мог прожить жизнь американского доктора в 1940-х, а потом и Стива в 1960-х. Только при одном условии: и тот, и другой должны были умереть молодыми. Доктор Вильям Джонс должен был покинуть этот мир году так в 1944-м, а парень из Калифорнии – в 1972-м. Хотя, конечно, я не совсем точно понимаю, как *там* устроено перерождение душ – происходит ли оно моментально или может пройти какое-то время. Но чисто математически выходило, что такое возможно.

Что ни говори, но объяснения эти были очень далеки от современных естественно-научных представлений о человеческой памяти, снах, передаче информации и вообще от всего рационального. Хотя все, что существует в этом мире действительно интересное и волнующее, – чаще всего выходит за рамки представлений современных ученых.

Придя к такому выводу, я неожиданно для себя успокоился и расслабился. Усевшись на диван, я уже без всякого страха стал обдумывать эти варианты и возможности их проверки. Первое, что пришло мне в голову – надо попросить Эда проделать все мои манипуляции с диваном и музыкой в той последовательности, в какой это делал я. Конечно, он решит, что

я окончательно сошел с ума, но это неважно – отказать в просьбе выпить виски и послушать музыку на диване он не должен. Значит, решено – завтра я все расскажу Эду и постараюсь уговорить его на эксперимент.

Теперь, когда план действий был намечен, а виски в бутылке оставалось примерно половина, я решил, что можно и «по домам». Никуда не заходя, ни с кем не разговаривая, я на полном автопилоте дошел до дома, разделся, сходил в душ и рухнул в кровать. Уснуть удалось не сразу, но зато сны, видимо, не отличались особенно интересным содержанием и драматизмом, во всяком случае, утром я о них ничего не помнил.

Звонить Эду с утра пораньше и рассказывать что-то о своих странных снах я не стал – все равно через пару часов встретимся в магазине, там и поговорим. Выпив кофе и наскоро перекусив какими-то вчерашними булочками и сыром, я собрался и поспешил в магазин. Не знаю, зачем я так торопился, но что-то меня туда тянуло.

Подойдя к «Дому Винила» я поразился своей дремавшей до сих пор интуиции: у порога стояла Криста. Вот так сюрприз.

Я поздоровался и принялся открывать наш чудной старинный замок. Я и так-то не всегда с ним нормально справляюсь, а сейчас так и вообще не мог повернуть ключ добрую минуту. Криста все это время просто стояла и разглядывала витрину, не пыталась помочь, не давала советы, как будто такие мелочи ей просто неинтересны.

С трудом победив замок, я распахнул дверь и жестом пригласил девушку зайти внутрь. Когда мы очутились в зале, я не стал проходить в кабинет, а скинул куртку прямо тут, включил свет, выключил вывеску и уставился на Кристу.

– Как вчерашние пластинки, понравились? – я не знал, как начать разговор, поэтому решил говорить о том, в чем что-то понимаю.

– Да, спасибо. Они все именно такие, как я и хотела, – похоже, ей действительно понравилась музыка – говоря о пластинках, она немного просветлела и улыбнулась.

– Сегодня тоже хотите что-нибудь приобрести? – как с ней говорить, я не знал – она так многозначительно замолкает сразу после фразы, как будто все сказала и больше говорить не о чем.

– Пожалуй. Дома совсем ничего не хочется делать, кроме как слушать музыку. Все мои CD надоели, покупать новые почему-то не хочется, а вот пластики вчера меня очень порадовали. Давайте подберем сегодня что-нибудь, как вчера, и что-нибудь поживее, – такого длинного монолога я даже не ожидал от Кристы, которая до этого еле-еле находила силы на коротенькие предложения, поэтому был очень рад и стал показывать и рассказывать ей про диски, которые ей могут понравиться.

В итоге в ее пакете оказались “The Shadows”, “Crosby, Stills, Nash & Young”, очень уж ей понравившийся Дин Мартин, Клифф Ричард, Эдди Дуэйн, “The Beatles” и “The Beach Boys”. Как мне кажется: неплохой набор, чтобы разнообразно скоротать вечер.

Расплатившись, Криста, поблагодарила и уже собиралась повернуться, чтобы направиться к выходу. Я понял, что больше тянуть не имеет смысла и лучше рискнуть и получить отказ прямо сейчас.

– Криста, простите, – она обернулась, – мне кажется, что мы могли бы встретиться и вне магазина и поговорить о музыке или сходить куда-нибудь и послушать ее.

По ощущениям, мое лицо должно было быть в этот момент не просто красное, а благородного цвета бордо, а выражение на лице никак не поддавалось контролю и, скорее всего, смотрелось крайне неинтеллектуально.

– Хорошо. Я зайду завтра перед закрытием. Мне кажется, лучшего места для прослушивания музыки, чем магазин пластинок, все равно не найти, – она улыбнулась очень приятно и искренне, и я просто одурел от такого поворота.

– Спасибо, – зачем-то сказал я и крайне странно помахал рукой, подняв ладонь на уровень головы – не удивлюсь, если теперь она передумает приходить сюда завтра вечером.

Следующие минут сорок, пока не пришел Эд, я чисто автоматически делал какие-то привычные манипуляции: передвигал пластинки на полках, включал компьютер и варил кофе, потом включил музыку, уселся на место продавца и стал пить кофе в ожидании Эда.

Эд опоздал всего на полчаса, зато пришел с пакетом крендельков и пончиков – пришлось снова пить кофе, на этот раз уже вдвоем с Эдом. Пока мы пили кофе, я пытался начать разговор о моих снах, но очень не хотелось вываливать на голову собеседника сразу все подробности, поэтому я начал издалека.

– Слушай, Эд, а ты тут никогда ничего странного не замечал? Может, показалось что-нибудь или почувствовал? – видимо, это было слишком издалека, потому что Эд только приподнял брови и явно не понял, о чем я.

– Где тут? В Берлине? В Германии? – Эд растеряно улыбался.

– Да нет. В *этом* магазине, – я никак не мог решиться сказать все сразу.

– Нет, магазин как магазин. Места достаточно, музыка играет хорошо, светло. Ты к чему ведешь то? Место разочаровало? Думаешь, как бы съехать отсюда с минимальными потерями? – Эд, как обычно, сразу повернул на дорожку рациональности и вопросов прибыли.

– Похоже, надо говорить сразу по существу, иначе так и будем думать каждый о своем. Эд, я тут два вечера оставался в магазине и слушал музыку. И оба раза мне снились до одурения реалистичные сны. Прямо не сны как будто, а реальные события. Только не здесь и не сейчас, а в прошлом.

– Ну, всякие сны бывают, мне тоже, случается, прямо как кино снится. Все такое натуральное, с сюжетом, – он явно не хотел меня обидеть и подбирал фразы аккуратно.

– Это совсем не то, Эд. В этих снах события идут несколько дней, и я не наблюдатель, а именно главный герой, так сказать. Я принимаю решения, ем, работаю. Но, что самое странное: в них играет та музыка, которую я слушал перед началом сна.

– Давай-ка закроемся на полчаса, все равно нет никого утром, сядем, и ты мне нормально все расскажешь, а то пока я не понимаю, в чем вообще проблема, – сказав это, Эд подошел к входной двери, перевернул табличку на сторону с «Закррито». Потом прошел обратно мимо меня в сторону кухни, судя по звуку, что-то взял в холодильнике и позвал меня.

Зайдя на кухню, я увидел Эда, разливавшего по бокалам холодный Berliner Kindl, которым мы просто забили холодильник, и понял, что мой приятель решил подойти к вопросу серьезно, видимо, понял, что я не шучу и мне действительно нужна его помощь.

Следующие полчаса я максимально подробно рассказал Эду все от начала и до конца. Я решил не упускать вообще ничего – от названия виски или пива, которое перед «сном» пил, музыки, точнее даже конкретной пластинки, которую слушал, до содержания самих видений. Эд слушал, иногда искренне удивлялся, что-то переспрашивал, в общем, проникся. Когда я закончил, мой собеседник еще минуту молча сидел и размышлял.

– Знаешь, может быть, я сейчас глупость скажу, но, мне кажется, это не сон, – я был очень сильно удивлен, услышав от Эда, который никогда не верил ни во что «странное», такой вывод.

– Я тоже так думаю. Но вот что это тогда? – мне очень хотелось, чтобы Эд легко и просто выдал мне точнейшее объяснение, желательно вычитанное им в какой-нибудь книжке, и я бы сразу успокоился и забыл про все эти видения.

– А вот это, похоже, нам предстоит выяснить. Такую историю я слышу впервые. Не думаю, конечно, что ты видишь свои прошлые жизни, но что-то тут явно происходит, – Эд говорил спокойно, и, что самое главное, он сказал «нам», то есть бросать меня один на один с этой искаженной реальностью он не собирался.

– Я тут подумал, может, ты попробуешь повторить мой путь – останешься в магазине вечером, сядешь на диван, включишь пластинку – вдруг получится? – я сейчас больше всего на

свете надеялся, что он согласится. И Эд согласился. Без шуточек, без насмешек, просто сказал, что постарается сделать все в точности и посмотрит, что произойдет.

Остаток дня мы провели как обычно: поочередно сидели в зале, Эд на пару часов уезжал в наши магазины проверить, как там идут дела. Мы пообедали китайской лапшой, не закрывая магазин, хотя сегодня это было и необязательно – людей было не так много, как в первые два дня.

Вечера я ждал с нетерпением и опасением – кто знает, чем все это закончится. Может быть, Эда унесет в мои сны, может, он увидит что-то свое, а может быть, не увидит ничего. Но это ладно, лишь бы не произошло чего-нибудь совсем фантастического вроде перемещения во времени без возможности вернуться обратно.

И вот вечер безоговорочно овладел городом, зажглись фонари, вывески магазинов и кафе засветились всеми цветами RGB спектра. Я зажег нашу рекламу, закрыл магазин, прошел на кухню, где уже сидел Эд, и налил нам по джину с тоником, для успокоения нервов.

Пока мы тянули джин-тоник, я еще раз напомнил Эду всю последовательность действий и, убедившись, что он и без меня все прекрасно помнит, оставил его в одиночестве, а сам пошел прогуляться на улицу – для точности процесса, пусть он будет в магазине один.

У меня как раз кончились сигареты, и я прогулялся до ближайшего магазина, купил сразу две пачки. Выйдя на воздух, сразу открыл одну из пачек, выкинул обрывки упаковки в урну, прикурил от спичек из бара “Willy Bresch” и по-моряцки затянулся.

Не сходя с места, я выкурил две сигареты, но, похоже, успокоиться это мне не помогло. Стоять дальше у входа в магазин было странно, и я пошел вдоль улицы без конкретной цели и направления. Дойдя до какого-то маленького сквера, я, не задумываясь, свернул в него, сел на скамейку и выкурил еще две сигареты. Если так пойдет и дальше, то до завтра мне придется еще раз заходить за ними в магазин.

Сидя в парке на лавочке, я старался выкинуть всё необъяснимое из головы и подумать о чем-нибудь другом, земном и понятном. О Кристе, например. Тут было о чем поразмышлять. Если Эда не утянет сегодня в другие миры, что вряд ли произойдет, то завтра мне предстоит свидание с девушкой, которая вызывает во мне бурю разнообразных чувств. И, что самое интересное, пока главное из них – любопытство. Такой привлекательной, загадочной и необычной девушки я еще не встречал.

Я просидел в сквере полчаса, но ничего более оригинального, чем купить цветов и выбрать несколько «романтических» пластинок для звукового сопровождения вечера, не придумал. Пора было возвращаться в магазин – мы с Эдом договорились, что я погуляю час, а потом вернусь для обсуждения результатов эксперимента.

Когда я зашел в магазин, Эд сразу вышел мне на встречу, и по его лицу было понятно, что ничего не вышло.

– Ну как? – меня распирало от нетерпения.

– Да никак, к сожалению, – Эд действительно был расстроен, видимо, он все таки надеялся, что у него получится побывать «там», точнее, «в тогда».

– Было бы странно, если бы с первого раза все повторилось. Наверное, на каждого действует разная музыка, а может быть и вообще все это действует так только на меня.

– Но ты же не подшутил надо мной? После того, как я минут двадцать слушал Миллера, мне стало казаться, что ты мог просто устроить мне такой музыкальный вечер в отместку за то, что я в первый день так быстро слинял домой после закрытия, – Эд казался немного расстроенным, и в его глазах начинала поигрывать огоньками злость.

– Нет, конечно. До такого бреда я бы не додумался, даже если бы решил проучить тебя за все твои опоздания и ранние уходы, – искры в глазах Эда потухли – он мне явно поверил и успокоился.

– Давай тогда уж посидим сегодня здесь. Выпивки полный холодильник, пиццу закажем. А то я как-то по-дурачки себя чувствую. Как будто остался без чего-то важного и нужного, хотя у меня этого и не было никогда. Странное чувство, не хочу его домой нести.

И мы провели отличную и успешную операцию по уничтожению этого ощущения, даже тяжелая артиллерия не понадобилась – хватило дюжины пива и нескольких порций водки с тоником. Через каких-нибудь полтора часа Эд был весел, точнее, навеселе и абсолютно не загружен тяжкими мыслями и предчувствиями.

Я отправил его домой, чтобы не превращать небольшую дружескую попойку в пьянку с тяжкими последствиями, а сам решил задержаться на десять минут и проверить еще раз на себе действие музыки, дивана, алкоголя или еще чего-то мне неизвестного на мое подсознание. Проделав все по инструкции, которую сам же написал для Эда, я сразу лег на диван, чтобы во сне не упасть, и прикрыл глаза...

Глава 7

Свет жизни

Рассвет я встречал на ногах – очередной налет унес больше сотни жизней и наполнил наш госпиталь целой армией раненых. Удар снова пришелся на Слоун-стрит, причем прямо в тот дом, в котором квартировал оркестр Миллера. Правильнее будет сказать, раньше квартировал: буквально за день до этого авианалета Миллер перевез свой бэнд в Бедфорд – таких удачливых ребят нужно еще поискать. Конечно, хорошо, что благодаря интуиции Гленна Миллера или по какой-то невероятной случайности оркестр не пострадал, но, к сожалению, остальные жители этого квартала сегодня ночью никуда не уехали, пополнив списки погибших, без вести пропавших и раненых на этой ужасной войне.

Мы с полковником стояли и курили на крыльце госпиталя, отдыхая от ночи, полной операций и нервов, когда в приемный покой со скоростью света вбежали два солдата в разорванной форме и с самодельными носилками в руках. На носилках лежала женщина, лицо ее было закрыто прилипшими окровавленными волосами, поэтому возраст ее оставался пока для нас неизвестным. Солдаты растеряно оглядывались, не зная, к кому бежать.

– Что с ней? – полковник решил сам все выяснить, нельзя было терять ни минуты – женщина на носилках дышала все тяжелее.

– Осколочное в голову, сэр, возможно, переломы, ее только что вытащили из-под завалов, – сержант, похоже, старший из этих двоих, выпрямился по стойке смирно.

– Срочно в операционную! Грейс, какая сейчас свободна? – полковник вопросительно смотрел на медсестру в окошке информации.

– После вашей операции вторую пока не заняли, – Грейс не заставила нас ждать и секунды, она всегда была очень собрана и аккуратна в особенно напряженные моменты нашей работы.

– Сержант, бегом прямо по коридору до конца, только осторожно, не трясите вы ее так! – полковник махал руками на неопытных медбратьев, которым, видимо, не приходилось раньше играть эту роль.

– Билл, пойдем со мной, пока больше никого нет, вдвоем мы с большей вероятностью сможем ей помочь.

Я просто кивнул и пошел вслед за носилками в сторону операционной. Там уже суетились медсестры, готовившие инструменты и препараты. Когда я вошел внутрь, все замерли, как-то странно глядя на меня.

– Пульс толком не прощупывается, она почти не дышит, похоже, тут мы уже бессильны, сэр, – старшая из сестер потупилась и говорила все это скорее своим туфлям, нежели мне.

Я прекрасно понимал, что она имеет в виду: когда всю ночь персонал не просто не сомкнул глаз, а даже не присел ни на секунду, когда все уже вымотаны и обессилены, нет никакого смысла ввязываться в заведомо провальную операцию в попытках спасти пациента, которому уже ничего не поможет.

Я кивнул, но решил посмотреть, кому же так не повезло. Я подошел к столу, на котором лежала наша пациентка, отодвинул с ее лица волосы и одернул руку. Передо мной лежала Кэрол. Бледная, с закатившимися глазами, еле дышащая, но еще живая Кэрол.

– Работаем! Ее еще можно спасти, не расслабляться, сестра, готовьте ее к операции, быстро, быстро!

Полковник стоял в стороне и смотрел на меня непонимающим взглядом, в котором читался вопрос: «Ты чего это, парень?!». Я не стал ничего ему объяснять, сейчас было не до соблюдения субординации. Я просто поймал ее взгляд на себе, показал пальцем на операционный стол и сказал: «Это Кэрл». Полковник, хоть и был уставшим, но все быстро понял, уточняющих вопросов не задал и сразу подключился к работе.

Полтора часа все в операционной работали, как один слаженный и проверенный временем механизм с очень точными руками и глазами. Когда все закончилось, никто бы уже не смог сказать нам, что мы не сделали все, что было в наших силах, чтобы спасти Кэрл. Больше сделать было просто нельзя. Теперь оставалось только надеяться, что ее молодой организм справится с пережитым потрясением и сможет начать восстанавливаться. К сожалению, никаких гарантий на этот счет не могли дать ни я, ни полковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.